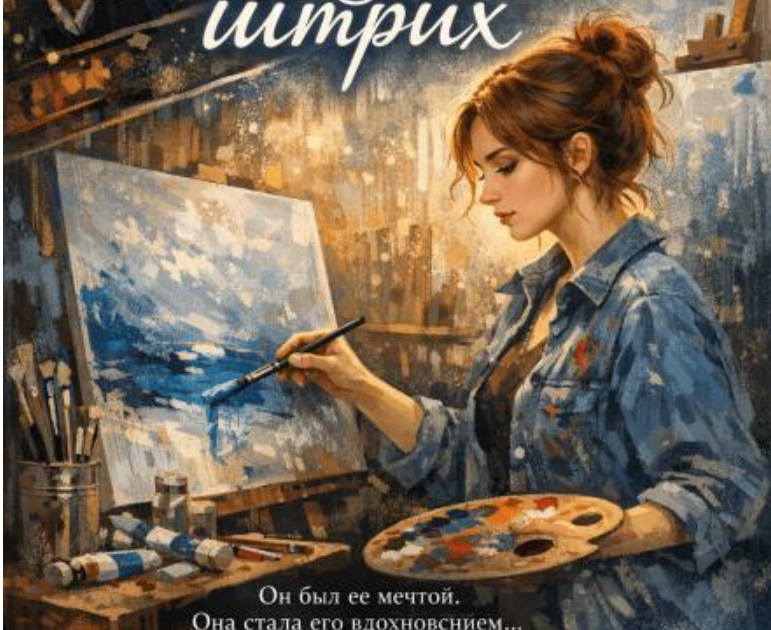

Юлия ЗАХАРОВА

Последний штрих

Он был ее мечтой.
Она стала его вдохновением...

Юлия Захарова

Последний штрих

<https://litres.ru/74207209>

Аннотация

Он – вершина айсберга: светский лев, гений инсталляции, чье имя стало брендом. Его жизнь – это гламурные вернисажи, дорогое шампанское и красивые, но пустые отношения.

Она – подводная часть: талантливая, но никому не известная студентка, чье искусство рождается в душе, а не для продажи. Ее жизнь – это запах дешевой акварели, долгие смены в кафе и вера в чудо.

Их встреча была мимолетной. Его жест – формальностью. Ее решение – точкой невозврата. Что произойдет, когда эти два мира столкнутся? Сможет ли мастер разглядеть гения в застенчивой ученице? Сумеет ли ученица не сгореть в огне своей одержимости и не потерять себя в тени великого мастера? Роман о цене славы и стоимости мечты, о сложном выборе между долгом и чувством, о том, как одно мгновение может разделить жизнь на «до» и «после».

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ИННОКЕНТИЙ	5
ГЛАВА 2. АНАСТАСИЯ	9
10 ПРИЧИН ДЛЯ РАЗВОДА	14
ГЛАВА 3. ИННОКЕНТИЙ	18
ГЛАВА 4. АНАСТАСИЯ	24
ГЛАВА 5. ИННОКЕНТИЙ	31
ГЛАВА 6. АНАСТАСИЯ	38
ГЛАВА 7. ИННОКЕНТИЙ	44
ГЛАВА 8. АНАСТАСИЯ	51
ГЛАВА 9. ИННОКЕНТИЙ	58
ГЛАВА 10. АНАСТАСИЯ	64
ГЛАВА 11. ИННОКЕНТИЙ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

ПРОЛОГ

Анастасия

Он был моим светом, к которому я тянулась. Моим солнцем, к которому я направила свои крылья. Я думала, что он меня зажжет своим сиянием, но он едва не спалил меня до тла...

Иннокентий

Внутри нее звучала музыка. Такая прекрасная, что ее хотелось слушать снова и снова. Я никогда раньше не слышал ничего подобного. И это было восхитительно. Сначала она была тихой, едва различимой, но стоило мне коснуться ее, она начинала звучать увереннее, громче. И я правил ее, задавал тон, словно могущественный дирижер, за каждым движением которого следит целый оркестр. Но однажды все вышло из-под контроля. Музыка стала столь мощной и резонансной, что перестала мне подчиняться и начала оглушать. Я больше не мог этого выносить...

ГЛАВА 1. ИННОКЕНТИЙ

Вернисаж был в самом разгаре, когда я впервые ее увидел. Анастасию, Ану, как она сама себя называла. Я не сразу заметил ее, хотя она потом утверждала, что пришла одной из первых, а ушла самая последняя. Худенькое тщедушное тело – я сначала даже принял ее за подростка, огромные щенячьи глаза, старые поношенные сапожки, давно вышедшие из моды и легкое, не по погоде, пальто, которое, казалось, было ей слишком велико. Вот и все, что мой глаз успел зацепить за время той короткой встречи.

Гости, среди которых была вся моя семья – родители и сестра Майя, самые близкие друзья и, конечно, коллеги по цеху – художники, именитые и начинающие, а еще критики, журналисты и меценаты, все они с важным видом расхаживали по галерее, пили дорогущее шампанское, ели канapé с икрой и рассматривали вывешенные на стенах результаты моей пятилетней работы. Ана тихонечко жалась в уголке и явно чувствовала себя не в своей тарелке. Оттуда, из своего убежища, она широко распахнутыми глазами наблюдала за броуновским движением, происходящем в зале и, кажется, иногда даже забывала дышать. Периодически ее взгляд скользил по картинам, и тогда в глазах исчезал страх загнанного в ловушку зверька, и вспыхивал странный блеск. Я рас-

познал его, как восхищение.

Ну, конечно, фанатка! Как я сразу ее не считал? Обычно я довольно хорошо разбирался в людях. Видимо, в тот момент я был слишком занят, принимая бесконечные поздравления, пожимая десятки протянутых мне ладоней и раздавая благодарные улыбки. Такова была цена славы...

Я как раз закончил общаться с одним из гостей, как заметил, что фигурка девушки отделилась от стены и метнулась в мою сторону. В руках она сжимала папку из-под дешевой бумаги для акварели. Я машинально закатил глаза, уже зная, о чем будет разговор.

– Здравствуйте, Иннокентий, – ее голос дрожал от волнения.

Она говорила так тихо, что мне приходилось напрягать слух, чтобы расслышать произносимые ею слова.

– Я ваша большая поклонница, – сообщила девушка, но затем исправилась. – Точнее, вашего творчества.

– Вы здесь не одиноки, – усмехнулся я и обвел раскрытой ладонью зал, заполненный посетителями до отказа.

Она скромно улыбнулась и спрятала глаза в пол.

– Меня зовут Ана, – представилась девушка.

– Приятно, Аня, – соврал я.

– Нет, – замотала она головой. – Ана... Это от Анастасии.

Я хмыкнул, не найдя, что ответить.

– Как вам выставка? – спросил я, когда пауза слишком

затянулась.

По этикету я должен был уделять равное внимание всем гостям, не зависимо от их положения и статуса, поэтому хотя бы короткий разговор надо было поддержать.

– Я знаю, что сегодня открытие... И вы ужасно заняты... – заикаясь произнесла Ана, поднимая на меня взгляд. – Но не могли бы взглянуть на мои работы. Хоть одним глазком. Я тоже художник...

Она робко протянула мне папку со своими рисунками, но я не притронулся к ним. Эта просьба жутко меня разозлила, но я сдержал эмоции и не стал их показывать на людях.

– Половина присутствующих здесь гостей – художники! – процедил я сквозь зубы. – Может быть вы видите кого-то, кто пришел на чужую выставку со своими картинами?

– Нет! – испуганно замотала головой девушка и отступила назад. – Простите! Простите меня! Это была плохая идея!

– Если честно, то да! – сменил я гнев на милость и даже подмигнул ей.

Ана уже собралась сбежать, но я остановил ее.

– Знаете, как мы поступим? – предложил я. – Через две недели в моей студии открывается новый набор учеников. Приходите! Разберем ваши работы.

Ее лицо просияло. Она закивала головой, как китайский болванчик, продолжая пятиться назад.

– Вот, – я достал из кармана карточку с координатами школы и протянул ей вслед. – Приходите.

Она приняла ее и бережно убрала в карман пальто.

– Я приду, – пообещала Ана и скрылась в толпе.

Меня тут же окружили новые гости. Мне пожимали руки, хлопали по плечу, целовали в щеки. Каждый хотел прикоснуться к гению по имени Иннокентий Лисовец, как меня в последнее время называли в СМИ.

Еще несколько раз мой взгляд то тут, то там натыкался на эту странную девушку. В тот день я переговорил более чем с сотней людей, но ее, почему-то запомнил...

ГЛАВА 2. АНАСТАСИЯ

Я мчала по лестнице на девятый этаж, перескакивая сразу две или три ступеньки. Лифт, как обычно, приказал долго жить. Кажется, что из трехсот шестидесяти пяти дней в году он работал от силы дней тридцать-сорок, а все остальное время стоял застревший на одном из этажей с разинутой в предсмертных судорогах пастью.

Дом, где мы с подругой Женей снимали малюсенькую квартирку под самой крышей, был старым, стоял на отшибе и до него абсолютно никому не было дела. Поначалу жильцы как-то пытались исправить ситуацию, но потом махнули рукой. Большинство переехало в более благополучные районы, пустив в свои бедовые жилища не слишком платежеспособных квартирантов.

– Женька! – заорала я, едва входная дверь со скрипом отворилась, запуская меня внутрь. – Женя! Ты сейчас упадешь!

После промозглой осенней слякотной погоды дом встретил меня теплом и уютом. Хотя, может быть мне просто стало жарко от быстрого бега по лестнице.

– Чего орешь? – высунула из кухни свою кудрявую голову подруга. – Где-то пожар?

– Не-а, – покачала я головой и привалилась к дверному

косяку, переводя сбившееся дыхание.

– Тогда раздевайся, мой руки и пошли, буду ужином тебя кормить! – распорядилась Женька.

Она в нашем тандеме отвечала за готовку, а я за уборку, чему я была несказанно рада, потому что кулинар из меня был совсем никакой. Мне не доверяли даже сварить яйца. Они у меня то лопались, то недоваривались, то переваривались до резинового состояния. Женька часто подшучивала надо мной, что у меня вкусно получается только кипяток. При этом чай она тоже предпочитала наливать сама.

Я бросила на трюмо раскисшую под дождем папку с эскизами, сняла сапожки, задвинула их с прохода под вешалку, убрала пальто в шкаф и прошмыгнула в ванную. Глянув на свое отражение в зеркале, я заметила, что не смотря на уставший и промокший под морозящим дождем вид, глаза у меня буквально горели от счастья.

– Ну, рассказывай! – Женька поставила передо мной тарелку с супом, а сама села напротив, подперев рукой подбородок. – Что стряслось?

– А ты что, есть не будешь? – я взяла ложку и помешала в тарелке густое красноватое варево. – Это что – щи?

– Ага, – кивнула подруга.

– А почему они рыбой пахнут? – поморщилась я, принимаясь.

– Потому что они из рыбы, – пожала плечами Женя. – С килькой в томате. Неужели никогда не ела такие?

– Никогда, – покачала я головой.

Если честно, то и пробовать не хотелось. Я и так рыбу особо не жалую, а в супе – это вообще перебор.

– Ну чего ты мне козьи морды тут строишь? – насупилась подруга. – Были б деньги, я бы сходила на рынок, купила свежей говядины и...

– Но денег у нас нет! Поняла, – перебила я ее, зачерпнула полную ложку и зажмурив глаза отправила ее в рот.

– Так ты скажешь, что тебя так взбудоражило или нет? – вернула меня к началу разговора Женька. – Долго мне тебя ждать?

– погоди, прожую, – щипнула, кстати, оказались не так ужасны, как мне показалось на первый взгляд.

– Можно, как-то активнее челюстями работать? – поторопила она меня.

– Да можно! – я проглотила тщательно пережеванную пищу и подняла на Женьку свои сияющие глаза. – Я с ним говорила!

– С кем с ним? – не поняла она сначала, а потом до нее вдруг дошло. – Да ладно?! Неужели с Лисовцом?

– Ага, с ним, – я дала Женьке время поахать, а сама пока проглотила, не жуя, еще пару ложек рыбного супа.

– Хватит есть! – одернула меня подруга. – Рассказывай, как это было! Он посмотрел рисунки.

– Нет, – покачала я головой. – Но он пригласил меня на

свои курсы. Через две недели начало.

– Курсы... Курсы... – Женька теребила пальцами нижнюю губу и перебила в голове мысли. – Ты хоть видела, сколько они стоят?

– Сколько? – испугалась я. Про то, что курсы у именитого мастера могут стоить неподъемно дорого, я даже не подумала.

– Сейчас... – подруга выудила из кармана спортивных штанов телефон и полезла в интернет. – Лисовец... Лисовец... Да где же это?

Она быстро тыкала в экран, пролистывала страницы, пока, наконец, не нашла нужную информацию.

– Вот! Нашла! – Женька положила телефон на стол и пододвинулась ко мне поближе, чтобы мы смогли читать вместе.

– Семнадцать пятьсот за месяц? – у меня внутри все оборвалось. – Это же грабеж среди белого дня!

– Ну а что ты хотела? – удивилась Женька. – Он же маэстро! Все мечтают у него учиться.

– Блин... – я расстроилась и отодвинула от себя наполовину полную тарелку. Аппетит исчез в одно мгновение. – А я так надеялась...

– Ну ладно тебе, не кисни, – попыталась подбодрить меня Женька. – Ты учишься в художественном училище. Зачем тебе еще дополнительные курсы?

– Ты не понимаешь, – вздохнула я, а в глазах защипало

от желания заплакать. – Это путевка в большое искусство. Семнадцать пятьсот...

– Ага... Это даже больше, чем мы с тобой за квартиру платим, – поддакнула подруга.

Мы обе были студентками. Я получала стипендию, немного денег высылали каждый месяц родители, а по вечерам три раза в неделю мы с Женькой подрабатывали в кафе недалеко от дома. На скромную жизнь хватало. А вот на курсы точно нет. И в тот момент, когда я поняла, что не смогу исполнить свою мечту, мне показалось, что моя жизнь рухнула.

Весь вечер я пролежала на кровати, отвернувшись лицом к стене, громко и тяжело вздыхая. Женька пыталась меня как-то подбодрить, но у нее ничего не вышло – так сильно я расстроилась.

– Да черт с тобой! – не выдержала подруга. – Я скопила немного денег на новый пуховик. Всей суммы нет, конечно, придется где-то раздобыть еще...

– Сколько у тебя есть? – я резко села на кровати и схватила Женьку за руки.

– Десять тысяч, – сообщила она мне.

Я взвизгнула и бросилась ей на шею. До начала курсов оставалось еще две недели. За это время я соберу недостающую сумму.

10 ПРИЧИН ДЛЯ РАЗВОДА

Развод редко бывает внезапным. Он растёт медленно, почти незаметно, как трещина в стекле — сначала невинная, тонкая, почти декоративная. Но со временем она расплывается, меняет форму, перерезает свет. Люди продолжают жить рядом, делить кухню, постель, планы на лето, но внутри них уже копится что-то невыносимое: недосказанность, усталость, разочарование, страх.

Мы собрали для вас десять историй, в которых любящим людям вдруг стало не по пути.

<https://litnet.com/shrt/RMfY>

1. История о потерянных годах, прожитых ради детей, и несбывшихся надеждах. Он давно перестал скрывать измены, она все больше его ненавидела за сломанную жизнь. Дети выросли, пришла пора прощаться. Вот только есть ли шанс на новое счастье, когда молодость давно позади? Об этом в своем романе «Развод. Обнажая душу» вам расскажет Софья Алешина.

https://litnet.com/shrt/_NYT

2. История о детективно-семейной драме с элементами морального выбора. Она была уверена, что за долгие тридцать лет брака хорошо узнала своего мужа. Но вдруг правда начинает вскрываться. Можно ли простить годы лжи? Об

этом в своем романе «Развод, тантра, танго и cuba libre» вам расскажет Наталия Климова.

<https://litnet.com/shrt/Km4h>

3. История любви, которая подверглась испытаниям. Он был влюблен в нее со школы. Он взял на себя все ее проблемы в самый трудный момент. Он сумел стать главным человеком в ее жизни, и она оценила. Они вместе двигались к мечте, но мечты оказались разными. Об этом в своем романе «Развод: быть в тренде» вам расскажет Лариса Ясень.

<https://litnet.com/shrt/Gfq8>

4. История о том, как одержимость творчеством переплетается с одержимостью властью. О грани между гением и монстром. И о том, на что способны две женщины, у которых нет ничего, кроме друг друга и всепоглощающей ненависти к своему тюремщику. Погрузитесь в психологическую бездну, где каждая глава – это новый мазок на холсте из страха, боли и отчаянной надежды. Об этом в своем романе «Развод. Две души – одна судьба» вам расскажут Валерия Земцова и Елена Станис.

<https://litnet.com/shrt/MNHU>

5. История о попытке вернуть прошлое, пока настоящее рушится. Он перестал быть собой, и причина тому – внезапный успех, одержимость идеей, которая отодвинула привычную жизнь вместе с общими стремлениями и мечтами на второй план. Правда ли, что семья рушится, когда женщина перестает терпеть? Об этом в своем романе «Развод. Я боль-

ше не твоя муза» вам расскажет Катя Тева.

<https://litnet.com/shrt/oICu>

6. История о том, как любовь превращается в ненависть, когда ты видишь в своем партнере самого себя. Пара, которая вначале восхищалась общими чертами, теперь ненавидит друг друга за зеркальные недостатки. Об этом в своем романе «Развод. Темное зеркало души» вам расскажет Анна Камнева.

<https://litnet.com/shrt/118P>

7. История о том, как тишина в браке громче любого скандала. Когда командировки и совещания мужа становятся важнее семейной жизни, женщина остается одна. О том, к чему может привести женское одиночество читайте в откровенном романе Марии Мирабеллы «Развод в 40. Я тебе изменила».

<https://litnet.com/shrt/Hd7C>

8. Ироничная и грустная история о том, как люди конструируют идеальных партнеров и разрушают реальных. Она променяла тихую гавань на всплеск эмоций, перепутала страсть и любовь, а в итоге потеряла того, кто по-настоящему ее любил. Об этом в своем романе «Развод. Последний дубль» вам расскажет Анастасия Гуторова.

<https://litnet.com/shrt/tDTK>

9. История о любви, зависти и саморазрушении. Один партнер развивается, растет, меняет жизнь, а второй застрял. Ревность к успеху, комплекс неполноценности, чувство, что

тебя перерос собственный ученик. Об этом в своем романе «Развод. Последний штрих» вам расскажет Юлия Захарова.
<https://litnet.com/shrt/-yLC>

10. История о женщине, которая впервые за долгие годы брака задала себе вопрос: а кто я без роли матери и жены? Жизнь без любви подобна вечной дождливой осени. Но так хочется весны и красок, особенно когда дети выросли, а жизненный цикл перешагнул порог в сорок пять лет. Сможет ли героиня принять судьбоносное решение и выбрать себя? Об этом в своем романе «Развод в 45. Первая причина – это ты» вам расскажет Злата Зорич.

<https://litnet.com/shrt/Y4Bs>

ГЛАВА 3. ИННОКЕНТИЙ

После вернисажа я приехал в свой загородный дом на озере, выжатым, как лимон. Казалось, от бесконечных светских бесед язык распух во рту и отказывался ворочаться. Я рухнул на диван, не желая ни разговаривать, ни вообще шевелиться. После подобных мероприятий мне всегда хотелось сбежать из города, подальше от шума, суеты и людей – этих вечно жующих, болтающих, требующих чего-то существ, чьи лица сливались в одно пятнистое полотно.

Этот дом я приобрел два года назад. Современная вилла в сосновом лесу на берегу кристально чистого озера, наспигованная комфортом до зубов. Если бы мне не нужно было постоянно общаться со СМИ, фанатами и критиками, я бы вообще не уезжал отсюда. Но активная светская жизнь требовала моего присутствия, поэтому выбираться в эту уютную тихую гавань мне удавалось крайне редко. Но сегодня я дал себе зарок. Что бы ни случилось, но ночь я проведу здесь

Марина, владелица галереи, где проходила выставка, и по совместительству моя тогдашняя любовница, прекрасно понимала мое состояние, поэтому ни с какими разговорами не лезла. Она молча поставила на журнальный столик два треугольных бокала с «Маргаритой», тихонечко устроилась рядом, подтянув ноги на диван и обняв колени руками. Запах

ее духов тут же обволок меня, словно коконом.

У нас были свободные отношения, без каких-либо обязательств. Я восхищался этой мудрой и сильной женщиной, хоть и никогда не любил. Она была для меня другом, помощником, сексуальным партнером. Настоящим произведением искусства в оправе из безупречного вкуса и прагматизма. Она никогда не задавала лишних вопросов и ни в чем не упрекала. Идеальная женщина. Чувственная и понимающая. Лучшего спутника для жизни найти было сложно. Как жаль, что тогда я этого не понимал...

Мы потягивали коктейли и смотрели на озеро через огромные панорамные окна. Ночь была тихой. Глубокие воды отражали низкое звездное небо, практически сливаясь с ним, так что казалось, мы парили в открытом космосе. Это было красиво.

Лед, плаваясь, позвякивал о стенки бокалов, и только это нарушало благоговейную тишину. Марина допила свой напиток, сбросила с себя легкий шелковый пеньюар, скользящий к моим ногам, и осталась в одном нижнем белье. Ее тело было знакомым пейзажем – выверенные линии, ухоженная кожа, ни единой черточки, выбивающейся из идеальной композиции.

– Я в душ, – шепнула она. – Жду тебя в спальне. Кажется ты слишком напряжен.

Я лишь лениво кивнул, но от ее соблазнительного вида

почувствовал приливающий к низу живота жар — глухой, животный отклик хорошо отлаженного механизма на привычный стимул. Я закрыл глаза, пытаюсь успокоиться, и откинулся на спинку дивана. Переутомленный мозг тут же принялся прокручивать в голове картинки прошедшего длинного дня. Лица сменялись одно за другим, словно кто-то без моей воли пролистывал слайды с сотнями фотографий. Я видел всех этих людей сегодня, но большинство даже не знал.

И тут появилась она. Анастасия. Ана. Серая мышка в заношенном пальто, робко прижимающая к груди папку с рисунками, прикрываясь ею словно щитом от всего этого чуждого ей блеска и роскоши. Сначала ее образ проскочил в моем сознании в веренице других, но когда я снова увидел ее, то усилием мысли остановил поток и зафиксировал на ней внутреннее зрение.

Я замороженно всматривался в ее лицо и не понимал сначала, чем она приковала мое внимание. Она не была красавицей в общепринятом понимании этого слова. Не было ни острых скул, ни пухлых идеальной формы губ, ни подчеркнуто выразительных глаз. Ее черты были угловатыми, немного незрелыми, словно незаконченный этюд. Курносый вздернутый носик, усыпанные веснушками щеки, большие, по-детски округленные от происходящего вокруг, глаза. А потом я понял, почему мой взгляд зацепился за нее, выделив из сотни других. Она была непохожей ни на кого. Она была настоящей. В ее позе, во взгляде, в дрожи голоса не было ни

капли наигранности. И внутри нее тогда еще не было ничего циничного, бездушного и алчного. Она была чиста, а внутри горел огонь самоотверженной юности – дикий, неукротимый и прекрасный в своей наивной дерзости.

Я вскочил, стараясь не потерять образ, заметался по гостиной в поисках карандаша и бумаги, а когда нашел, тут же принялся по памяти делать наброски. Мне уже набили оскомину однообразные светские львицы из моего окружения. Мне было скучно писать их одинаковые портреты, за которые они, кстати, платили большие деньги. Причем, чем детальнее была схожесть, тем большая сумма поступала на мой счет. Я торговал не искусством, а лестью, упакованной в дорогую раму. А тут я словно глотнул свежего воздуха в затхлом помещении.

Моя рука порхала над эскизом, словно бабочка. Штрих за штрихом на листе бумаги появлялась девушка в стареньком заношенном пальто, смотрящая на меня с немой мольбой и с искренним восхищением. Я ловил ту самую искру в ее глазах, тот самый изгиб губ, в котором читались и робость, и упрямство. Я пытался поймать не просто лицо, а то неуловимое свечение, что исходило изнутри.

– Мне стоит начать ревновать? – я не заметил, как Марина вошла в гостиную.

Она, в одном полотенце на голое тело, наклонилась ко мне через плечо и с интересом изучала почти заверченный ри-

сунок. Я вздрогнул от неожиданности. Настолько погрузился в процесс, что не заметил, как перестала шуметь вода в ванной комнате, не услышал, как Марина окликнула меня из спальни. Так сильно я был увлечен.

– Прости, – я взял ее ладонь в руку и поцеловал запястье, чувствуя под губами ровный, спокойный пульс. – Уже иду.

Секс был ленивым и совсем недолгим. Мой мозг никак не хотел возвращаться в настоящее и отказывался реагировать на внешние раздражители. Я видел перед собой не идеальную кожу Марины, а бледное юное лицо с широко распахнутыми глазами. Но тогда оно не вызывало во мне ни капельки влечения. Только профессиональный интерес, который странным образом сейчас довлел над физиологией.

– Да что с тобой сегодня такое? – пыталась растормошить меня Марина, ее голос звучал приглушенно, будто из-под толщи воды.

– Устал, – извинялся я за свою вялость и безынициативность. – Может продолжим утром?

– Ладно, – сжалилась она надо мной. – Отдыхай.

Она повернулась ко мне спиной, свернулась калачиком и через несколько минут размерено засопела. Я же почти до самого утра сверлил взглядом потолок и думал о той странной девушке. Об Анастасии. О той, что пахла дождем, дешевой акварелью и чем-то неуловимо настоящим. И впервые за долгое время я чувствовал не пресыщение, а щемящий, навязчивый голод.

Дорогие друзья! Приглашаю вас познакомиться с еще одной книгой нашего литмоба замечательного автора Софьи Алешиной "Развод. Обнажая душу".

<https://litnet.com/shrt/xBqL>

История о потерянных годах, прожитых ради детей, и несбыточных надеждах. Он давно перестал скрывать измены, она все больше его ненавидела за сломанную жизнь. Дети выросли, пришла пора прощаться. Вот только есть ли шанс на новое счастье, когда молодость давно позади?

Остальные книги литмоба можно найти здесь:

<https://litnet.com/shrt/X8U2>

ГЛАВА 4. АНАСТАСИЯ

Две недели, что оставались до начала курсов у великого мастера Иннокентия Лисовца, мы с Женькой усиленно добывали недостающую сумму денег. Я брала в кафе все свободные смены, иногда даже жертвуя учебой. Подруга пары не прогуливала, но тоже увеличила график подработки с трех вечеров до пяти. Мы немного урезали рацион питания, и без того не слишком разнообразный, чтобы немного сэкономить, и распродали прочитанные книги. В том числе мне пришлось расстаться с коллекцией художественных атласов. Но разве могли сравниться мертвые буквы с живым гением? Поэтому я ни о чем не жалела.

Мы с Женькой жили в спальном районе, а студия Иннокентия Лисовца занимала верхний этаж престижного бизнес-центра в самом сердце города. Уже накануне заветного дня начала обучения меня начало мандражировать. Я в панике металась по нашей малюсенькой квартирке из угла в угол, так что в ней уже начали формироваться вихревые потоки. Женя пыталась поначалу меня успокоить, но потом поняла, что это абсолютно бесполезное занятие и попытки оставила. Только кофту теплую накинула, чтобы не продуло.

Я не знала, что мне надеть на первое занятие? Как лучше уложить волосы – сделать хвостик или оставить распущен-

ными? Какой сделать макияж – мой повседневный легкий и едва заметный или накраситься поярче – все-таки важное событие в моей жизни?

– Да ему плевать, как ты будешь выглядеть! – не выдержала, наконец, моих метаний Женька и ушла в кухню наливать чай.

Я стояла в нерешительности перед разложенной на диване одеждой. Выбор сузился до трех вариантов. Первый, на котором настаивала подруга состоял из моих привычных зауженных джинсов и легкого светлого удлиненного свитера крупной вязки. Этот комплект был удобным, теплым и практичным. Второй включал в себя классические прямые брюки и белую блузку. Обычно я так одевалась на экзамены или важные мероприятия. И третий, к которому, в общем-то, склонялась я был элегантным шерстяным платьем до колен, придававшим моему образу некую женственность.

Когда я высказала Женьке этот факт в защиту своего выбора, она только фыркнула.

– Ты словно на свидание собираешься! Уверю, Лисовец даже не заметит твоего присутствия в группе.

Мне стало обидно. Моей задачей как раз было выделиться, привлечь его внимание. Не к своей персоне, конечно, а к своим работам. Но, как говорится, встречают по одежке... Там, на вернисаже, я долго наблюдала за Иннокентием. Я подметила, какие женщины подходили к нему, каким

он улыбался, а на кого смотрел, как на пустое место. Мне не хотелось быть пустым местом. У меня будет только один шанс произвести первое впечатление, поэтому я должна выглядеть эффектно.

– Вообще-то, – прервала мои рассуждения Женька, – свой шанс на первое впечатление ты уже профукала. Это будет ваша вторая встреча, если ты забыла.

– Ну вот что ты за человек? – разозлилась я. – Умеешь все испортить!

– Ладно, – махнула рукой Женька. – Там сотни человек мимо него прошли в тот день. Вряд ли он тебя вспомнит, так что считай, что это первая встреча. Надевай свое платье и пошли пить чай!

– А если я его заляпаю? – испугалась я.

– Ты совсем свихнулась на своем Лисовце? – покачала головой подруга. – Завтра на занятия наденешь платье, а сейчас убирай это безобразие и пошли пить чай.

– А-а-а, – рассмеялась я, запихивая вещи обратно в шкаф.

Занятия начинались в одиннадцать утра. Несколько дней назад я полностью оплатила месяц обучения, получила по электронной почте официальное подтверждение о зачислении в группу, которое распечатала и вместе с чеком вложила в картонную папочку к своим эскизам. Женька прогуляла первую пару в университете, чтобы помочь мне с укладкой и макияжем. Я решила сделать все-таки поярче. Мы проводились над моим образом добрых два с половиной часа, но

результат в зеркале меня вполне удовлетворил.

– Не слишком ли получилось? – мяла нижнюю губу Женька, в который раз осматривая меня с головы до ног.

К платью пришлось надеть полуботинки на каблуке, почти новые, потому что ходить на них было крайне неудобно. Но тут встал вопрос о верхней одежде, этот нюанс совсем вылетел из головы. За последнюю неделю резко похолодало, остро чувствовалось приближение зимы, а из теплых вещей у меня был только короткий пуховик, который совсем не подходил к общему наряду.

– Надену свое старое пальто, – махнула я рукой. – Ну не в этом же ехать через весь город?

– Замерзнешь, – покачала головой Женька.

– Не замерзну, – храбрилась я, хотя и понимала, что тонкое платье и такое же хлипкое пальто меня совсем не согреют под пронизывающим ноябрьским ветром.

Как это и происходит обычно, если куда-то очень сильно торопишься, то шансы опоздать туда тут же удваиваются. По дороге на остановку я наступила в глубокую лужу и промочила левую ногу. Вода противно захлюпала в ботинке, а пальцы скрючились от холода. Из-за этого я опоздала на автобус и пришлось десять минут ждать следующего, ежась от ветра и поплотнее кутаясь в пальто. Чтобы не помять укладку, шапку я естественно не надела, что тоже стало ошибкой, потому что волосы спутались, едва я вышла из подъезда.

Как и следовало ожидать, автобус, в который я с трудом

втиснулась, сломался по дороге и пришлось пересаживаться на другой. На этом мероприятии я потеряла еще добрых пятнадцать минут. К тому же, по прибытии, я, конечно же, заблудилась, перепутав направление. В итоге вместо того, чтобы прийти пораньше и как следует осмотреться, я вбежала в студию ровно за одну минуту до начала.

Все мои будущие одноклассники уже собрались в просторном холле, пили кофе и непринужденно беседовали, успев познакомиться между собой. Всего нас оказалось двенадцать человек, поровну парней и девушек. Они выглядели расслабленными, уверенными в себе и не было никого, кто бы пришел в платье. Свободная, удобная одежда, более подходящая для творчества, выглядела здесь вполне органично, по сравнению с моим пафосным облачением.

Я тут же почувствовала себя не в своей тарелке. Мне захотелось содрать с себя этот наряд. Казалось, даже в нижнем белье я буду выглядеть более уместно. Я стояла в дверях, не решаясь войти внутрь, пока меня не окликнула молодая девушка – секретарь Иннокентия Лисовца.

– Добро пожаловать! – радушно поприветствовала она меня. – Верхнюю одежду можно оставить в гардеробе.

Девушка указала на спрятанную в углу неприметную дверь.

– А потом можете выпить кофе с остальными, – она остановила взгляд на покрасневших от холода руках. – Иннокентий Львович немного задерживается. Время еще есть.

Я терпеть не могла опозданий, но сейчас была благодарна мастеру за его непунктуальность. Проскользнув в гардероб, я избавилась от промокшего пальто и перед зеркалом попыталась придать повисшим паклей волосам хоть какую-то видимость укладки. Получалось плохо, но мне хотя бы удалось их немного просушить бумажными полотенцами, которые я обнаружила там же в комнатке. Когда я уже собралась выйти в холл и влиться все-таки в коллектив, то обнаружила на колготках начавшую расползаться дырку чуть повыше колена.

Я закатила глаза, прикусила нижнюю губу, чтобы не разреветься от отчаяния, трижды прокляла себя за то, что не послушала Женьку и не пришла в джинсах и джемпере, как все остальные, и решила, что сегодня я на занятия не пойду.

Друзья, предлагаю вам познакомиться еще с одной историей Литмоба 10 причин для развода.

«Развод, тантра, танго и suba libre» **Наталия Климова 16+**
История о детективно-семейной драме с элементами морального выбора. Она была уверена, что за долгие тридцать лет брака хорошо узнала своего мужа. Но вдруг правда начинает вскрываться. Можно ли простить годы лжи?

<https://litnet.com/shrt/RRL0>

Остальные романы нашего литмоба ищите здесь:
<https://litnet.com/shrt/RRL0>

ГЛАВА 5. ИННОКЕНТИЙ

Едва я вошел в студию, голоса затихли. Молодые люди, сидевшие в холле на диванчиках и пуфах, беззаботно беседовавшие и потягивающие кофе из бумажных стаканчиков, при моем появлении вдруг напряглись и замолчали. Одинадцать пар глаз уставились на меня с благоговейным трепетом. Некоторые даже боялись дышать в моем присутствии.

– Доброе утро, Иннокентий Львович, – поприветствовала меня Зарина, моя помощница.

– Доброе, – буркнул я, пересчитывая новобранцев по головам и хмурясь. – Кто-то не дошел?

– Все на месте, – сверилась со списком Зарина. – Одна девушка еще в гардеробе.

Я прошел через холл, толкнул театрально двойные двери на противоположной стене и кивком головы пригласил собравшихся следовать за мной. В просторной, залитой естественным светом мастерской уже были расставлены двенадцать мольбертов в некотором удалении друг от друга, чтобы никто никому не мешал. Студенты робко вошли следом за мной.

– Занимаем места! – хлопнул я в ладоши.

В мастерской началось броуновское движение. Каждый

хотел расположиться поближе к моей кафедре в первом ряду, но удалось это только троем самым шустрым и ловким. Наконец, все встали за мольберты и воззрились на меня. В студии воцарилась звенящая тишина.

Мой взгляд бродил по лицам и искал ту самую девушку, которая вот уже две недели будоражила мои мысли. Я был уверен, что она придет, но среди стоящих передо мной студентов ее не было. Возможно, она пряталась в гардеробе. Я равнодушно взглянул на часы, затем на пустой мольберт.

– Кое-кто возомнил себя слишком важной персоной, что заставляет двенадцать человек ожидать одного, – произнес я с сарказмом в голосе.

– Я видела девушку, входившую в гардероб незадолго до вашего прихода, – сообщила мне шустрая симпатичная блондинка, занявшая место в первом ряду. – Может ей плохо стало? Я могу сбегать, посмотреть...

Я как-то не подумал о том, что причиной задержки последней студентки может стать недомогание, поэтому немного смягчился и кивнул, давая согласие на то, чтобы девушка проверила гардероб. Она тут же выскочила из мастерской, оставив нас в томительном ожидании.

Буквально через минуту из холла донесся шум – несколько женских голосов спорили и кричали.

– Оставайтесь все на своих местах, – распорядился я и вышел.

Моему взгляду открылась странная картина. Зарина и де-

вушка-блондинка буквально силой вытаскивали кого-то из тесной раздевалки, а этот кто-то яростно упирался руками и ногами.

– Что здесь происходит? – строго спросил я, заставив всех троих вздрогнуть и обернуться.

– Она не хотела выходить! – пожаловалась блондинка, ткнув пальцем в худенькое тельце той самой девушки из галереи.

Я в замешательстве уставился на нее. На Ану. То ли мой воспаленный после вернисажа мозг что-то тогда себе напридумывал и сам дорисовал желаемый образ, то ли это была совсем другая девушка. Сейчас я не видел в ней ничего, что могло бы настолько зацепить струны моей души, что я грезил о ней эти две недели. Ни непорочной чистоты, ни внутреннего огня. Ни-че-го.

Передо мной стояла абсолютно обычная девушка. Угловатая фигура, распухшее заплаканное лицо, безвкусное неуместное платье, потекший дешевый макияж, растрепанные волосы и грязные ботинки. Терпеть не могу грязные ботинки! Я поморщился от омерзения и разочарования, но вовремя взял себя в руки. В качестве преподавателя я должен был быть беспристрастным.

Ана подняла на меня глаза, жалостливо посмотрела и всхлипнула.

– Я порвала колготки, – пролепетала она тоненьким безжизненным голоском и всхлипнула.

Я стиснул зубы, чтобы не выругаться. Понимал, что девушка еще слишком молода, лет восемнадцать, может девятнадцать, но поведение подходило больше школьнице, чем студентке.

– Мне плевать на ваши колготки, – процедил я. – И всем окружающим тоже. Вам выпал шанс... И если такой пустяк, как порванные колготки, встал на пути вашего будущего успеха, а вы не в силах преодолеть мизерное препятствие, то лучше не входите в мастерскую.

– Но я... – попыталась возразить мне Ана, но я перебил ее.

– У вас есть ровно две минуты, чтобы умыться и войти в класс с гордо поднятой головой. Иначе – уходите! Деньги школа вернет в течение трех дней.

Девушка в одно мгновение подобралась, вытерла слезы и шмыгнула в уборную. Я вернулся обратно за свою кафедру и засекал время на наручных часах. Она успела. Секундная стрелка еще не сделала два полных оборота, как Ана заняла место за мольбертом в последнем ряду и подняла на меня перепуганные большие глаза.

Я удовлетворенно кивнул и хлопнул в ладоши.

– Что же, раз все в сборе, пожалуй, начнем.

Я взял со стола яблоко, специально оставленное там моей помощницей – большое, краснобокое, с выраженными полосками на тонкой кожице, и смачно откусил кусок. Кисло-сладкий сок брызнул мне в рот, оставляя на зубах оскомину. Прожевав, я положил фрукт на специальный поста-

мент, чтобы его было видно всем студентам, и ткнул в него пальцем.

– Сегодня я хочу определить уровень вашего мастерства, – сложил я руки на груди, обводя взглядом каждого по очереди. – Приступайте! У вас есть один час, чтобы закончить работу.

Группа оживилась. Парни и девушки раскрывали приготовленные для них чемоданчики с карандашами, кистями и красками.

– Рисунок должен быть карандашный или можно писать акварелью? – спросила шустрая блондинка из первого ряда.

– Как будет угодно вашей душе, – отмахнулся я, удобно располагаясь в кресле. – Главное, чтобы в итоге получилось яблоко!

Время пошло. Заскрипели карандашные грифели по бумаге, студенты принялись за работу. Все, кроме Аны. Она застыла перед мольбертом, вперив взгляд в яблоко, словно пыталась сфотографировать его, запечатлеть в своей памяти. Она простояла неподвижно добрых пятнадцать минут. Даже глаза не шевелились, только зрачки стали огромными, черными, полностью перекрыв радужки зеленых глаз.

Я даже начал беспокоиться, все ли с ней в порядке. Но потом она вдруг ожила, взяла в руки карандаш и принялась наносить на бумагу уверенные отрывистые штрихи. И тут я снова ее увидел. Когда она работала, от нее исходило необычное сияние. Она будто вся подсвечивалась изнутри.

Я обвел взглядом остальных, но больше ни в ком ничего подобного не обнаружил. Все усердно корпели над своими рисунками, стараясь максимально приблизиться к оригиналу. Я видел на лице каждого из них эмоции. Кто-то покусывал нижнюю губу, кто-то неслышно шептал какие-то неизвестные мне мантры, один парень так сильно вспотел от напряжения, что его волосы прилипли сосульками ко лбу, а на футболке выступили темные пятна. Но Ана была спокойна и сосредоточена. Я не мог дождаться, когда пройдет час, который тянулся уже, казалось, целую вечность, чтобы увидеть работы.

Точнее не так. Я уже не первый год беру молодых художников в свои группы, и примерно представлял результат. Но сегодня у меня было предчувствие, что меня, наконец, смогут удивить. Я хотел увидеть именно ее работу.

Друзья, предлагаю вам познакомиться еще с одной историей Литмоба 10 причин для развода.

«Развод: быть в тренде», Лариса Ясень, 16+

История любви, которая подверглась испытаниям. Он был влюблен в нее со школы. Он взял на себя все ее проблемы в самый трудный момент. Он сумел стать главным человеком в ее жизни, и она оценила. Они вместе двигались к мечте, но мечты оказались разными.

<https://litnet.com/shrt/lxX2>

Остальные романы нашего литмоба ищите

здесь:
 <https://litnet.com/shrt/V986>

ГЛАВА 6. АНАСТАСИЯ

Когда он откусил от того яблока, время для меня остановилось. Не сам фрукт, а именно этот момент – сок, брызнувший тонкими нитями, решительный след зубов на белой плоти, легкая деформация идеальной формы. Это был не натюрморт. Это была драма.

Пока все лихорадочно хваталось за карандаши и кисти, я стояла и впитывала в себя каждый луч света, лежащий на шершавую кожу, каждую крошечную вмятину, тень от укуса. Я не видела яблоко. Я видела миг жизни, пойманный и застывший. Миг, в котором было что-то дерзкое, почти варварское, и одновременно – бесконечно прекрасное.

И когда мое оцепенение прошло, я поняла, как надо это сделать.

Я взяла уголь. Не карандаш, дающий четкую линию, а мягкий, податливый, грязный уголь. Он был идеален для передачи этой истории.

Я начала не с контура, как всех учили в училище. Я начала с укуса. С той самой рваной раны, обнажившей сочную мякоть. Я положила пятно – темное, влажное, живое в самом центре листа. И от этого пятна повела резкие, ломаные линии, отображая на бумаге не форму фрукта, а ту энергию, что была вложена в этот укус. Мои движения были быстры-

ми, почти агрессивными. Уголь крошился, пачкая пальцы, но это было неважно.

Я рисовала не яблоко. Я рисовала акт творения и разрушения, соединенные в одном жесте. Я сделала акцент на контрастах: нежная, почти светящаяся белизна мякоти рядом с грубой, землистой кожурой; идеальная сферическая форма, нарушенная одним волевым движением.

И главное – я нарисовала не просто яблоко на подставке. Я изобразила его в пустоте. Полная темнота фона, из которой оно возникало, как единственный источник света и смысла. Этот прием я подсмотрела в старых учебниках по кьяроскуро, но использовала его не для объема, а для концентрации внимания на сути. Вся история была в этом одном укушенном яблоке. Вся боль, вся дерзость, вся жизнь.

Когда Иннокентий хлопнул в ладоши, возвещая об окончании времени, я с замиранием сердца отступила на шаг. Рисунок был готов. Он был грязным, нервным, неидеальным. И абсолютно честным.

Один за другим мастер обходил мольберты студентов и забирал эскизы. Он бегло просматривал их, изредка бросая короткие, как удар хлыста, замечания: «Плоско», «Безжизненно», «Учите основы». До меня долетели всхлипывания той самой блондинки из первого ряда – ее акварельное, старательно выписанное яблочко он назвал «открыткой для туристов».

Подойдя к моему мольберту, он на секунду замер, глядя

на мой рисунок. Его лицо ничего не выражало. Затем он молча снял лист с подставки и понес к своему столу. Я стояла, чувствуя, как подкашиваются ноги, и ждала приговора.

Он положил мой рисунок рядом с остальными и снова наклонился над ним, вглядываясь. Все замерли в тревожном ожидании.

– Все свободны, – не поднимая головы, произнес он, а затем окликнул меня: – Ана... Вы, останьтесь.

Сердце у меня упало куда-то в ботинки. Студенты, шушукаясь и бросая на меня любопытные взгляды, стали расходиться. Когда в мастерской остались только мы двое, он поднял на меня взгляд. Его глаза были теперь другими – не холодными и насмешливыми, какими я их видела до этого, а пристальными, изучающими.

– Почему уголь? – спросил он.

– Он... живой, – выдохнула я. – Он может быть и нежным, и грубым. Как этот укус.

– Почему такая композиция? Почему в пустоте? – снова спросил Иннокентий.

– Потому что ничего другого нет. Есть только этот момент. Все остальное – неважно.

Он медленно прошелся пальцем по краю рисунка, чуть не смазав штриховку.

– Вы рисовали не яблоко. Вы рисовали идею. Дерзко. Грязно. Непрофессионально... но интересно.

Он отложил лист в сторону и тяжело взглянул на меня.

– На вернисаже вы просили меня посмотреть ваши работы. Та самая папка. Вы принесли ее сегодня?

Я, не веря своим ушам, кивнула и, подскочив к своему мольберту, принесла картонную папку. Руки дрожали, когда я протягивала ее ему.

Он взял, развязал шнурки и начал неспешно листать. Он смотрел долго. На каждый рисунок. На мои наброски людей в метро, на зарисовки старого дома, на этюды с мертвыми птицами и живыми цветами. Он не говорил ни слова. А я стояла и молилась, чтобы он хоть что-то сказал. Хоть одно слово.

Наконец, он закрыл папку и поднял на меня взгляд.

– У вас есть недостатки. Много. Дрожащая линия там, где должна быть уверенность. Слабое чувство цвета в некоторых этюдах. Но... – он сделал паузу, и эта пауза показалась мне вечностью. – Но у вас есть то, чему нельзя научить. Вам есть что сказать. И вы ищете для этого свой язык, не боитесь пачкать руки. В буквальном смысле, – он кивнул на мои пальцы, испачканные углем.

Он встал и подошел ко мне совсем близко.

– С сегодняшнего дня забудьте все, чему вас учили до этого. Здесь вы начнете с чистого листа. Вы готовы к этому? К тому, что будет больно? К тому, что я буду ломать ваши привычки, заставляя вас ненавидеть свои старые работы?

Я снова кивнула. Сейчас я только это и могла делать, по-

тому что мое тело словно парализовало.

– Хорошо, – он отошел назад. – Можете идти. И, Анастасия... Ана... – я замерла в дверях. – Завтра приходите в удобной одежде. И, ради всего святого, без этих дурацких колготок.

В его голосе не было насмешки. Была, скорее, усталая снисходительность. Я выскочила из мастерской, прижала папку к груди и, не помня себя, побежала по коридору. Внутри меня все пело и звенело. Он увидел! Он действительно увидел. Не мои слезы и не мои дурацкие колготки, а то, что было внутри. И в этот момент я готова была на все. На любую боль. Лишь бы он продолжал смотреть.

Дорогие друзья! Приглашаю вас познакомиться с еще одной историей нашего литмоба 10 причин для развода.

«Развод. Две души – одна судьба» вам расскажут Валерия Земцова и Елена Станис. 18+

История о том, как одержимость творчеством переплетается с одержимостью властью. О грани между гением и монстром. И о том, на что способны две женщины, у которых нет ничего, кроме друг друга и всепоглощающей ненависти к своему тюремщику. Погрузитесь в психологическую бездну, где каждая глава – это новый мазок на холсте из страха, боли и отчаянной надежды.

 <https://litnet.com/shrt/JtIt>

Остальные книги литмоба можно найти здесь:
<https://litnet.com/shrt/81Bk>

ГЛАВА 7. ИННОКЕНТИЙ

Настоящий художник всегда узнает художника. Может, и не признается в этом даже самому себе, будет яростно спорить с каждым мазком, искать изъяны в композиции, но где-то в глубине, в той самой черной дыре, что служит источником и творчества, и зависти, он будет точно знать: перед ним сила. Возможно, даже равная. Едва взглянув на угольный набросок Аны, я ощутил тот самый холодок вдоль позвоночника – смесь восхищения и животной тревоги. В этом худеньком тщедушном тельце, этом комочке нервов и стыда, спал великий гений. И я, не стану кривить душой, решил его разбудить исключительно из корыстных побуждений.

Школы, выводившие в свет хотя бы одного успешного художника, получали от академии искусств не просто «плюшки». Это был пропуск в иной эшелон: государственные гранты, именные стипендии, заказы от самых пафосных галерей. Рейтинг моей студии взлетел бы, как ракета, оставив позади всех этих бездарных ремесленников, штампующих безликие пейзажи для гостиных нуворишей. В Ане я увидел не ученицу – я увидел свой новый триумф, возможность в очередной раз утереть нос всем, кто шептался за моей спиной, что Лисовец исписался, что он повторяет сам себя. А в том, что Ана – не ограненный алмаз, я не сомневался. Я понял это, едва

взглянув на ее угольное яблоко, повисшее в пустоте. Оно не просто висело – оно парило, оно дышало, оно истекало соком дерзости. А бегло просмотрев ее папку, я в этом убедился окончательно.

В приподнятом, почти лихорадочном настроении я уединился в своей личной мастерской, строго-настрого приказав Зарине никого не впускать, и взялся за кисти. Воздух здесь пах иначе – не лаком и кофе, как в общей студии, а скипидаром, пылью и временем.

Моя мастерская была антиподом всему остальному пространству. Никакого гламурного шика, блеска хромированных поверхностей и пафосных инсталляций. Только голые стены, испещренные пятнами краски, словно шрамами; могучий, выдавший виды мольберт из грубого дерева; чемоданчик с красками, больше похожий на аптечку скорой помощи для умирающих идей; пачка бумаги и старенький продавленный диван. Он путешествовал со мной с тех самых пор, когда моя фамилия ничего не значила, а за плечами была лишь туманная мечта. Пружины давно вышли из берегов, обивка протерлась до дыр, но я не мог с ним расстаться. На нем я спал ночами, не в силах оторваться от работы, на нем же лежал, уставший и опустошенный, глядя в небо. Единственная роскошь, которую я себе позволил, – огромный стеклянный купол вместо потолка. Сегодня сквозь него лился рассеянный свет хмурого дня, превращая мастерскую в гигантскую камеру-обскуру.

Я рисовал, как одержимый. Кисти нервно скользили по холсту, неряшливо оставляя мазки на девственном полотне, выплескивая на него то, что клокотало внутри. Палитра была скупа, почти аскетична – преобладали угольно-черные, землистые тона, свинцово-серые, но странным образом портрет получался на удивление живым и светлым. Из хаоса линий и пятен проступало худое, испуганное лицо с огромными глазами, в которых читалась не только робость, но и какая-то первозданная, дикая мощь.

Я настолько увлекся, что не заметил, как дверь бесшумно приоткрылась и в щель скользнул знакомый силуэт. Марина, видя, что я работаю, не стала мне мешать, но и не ушла. Она призраком проплыла через комнату и устроилась на диване, подобрав под себя ноги. Старая развалина жалобно скрипнула под ее весом, оповестив меня о чужеродном присутствии.

– Снова она? – спросила Марина с нарочитым, ледяным безразличием в голосе. В нем не было ревности – лишь усталое предвидение. – Очередная фаворитка?

– Вот, посмотри! – я, не в силах сдержать возбуждения, протянул ей угольный рисунок Аны. – Просто посмотри!

Марина взяла лист, долго всматривалась в размытые, нервные линии, в эту пустоту, рождающую форму, а затем, с легкой гримасой, вернула его мне, пожав плечами. Ее равнодушие обожгло сильнее любой критики. Я водрузил рисунок на мольберт, словно щит, прикрыв им незаконченный

портрет.

– Неужели не видишь? – в голосе моем зазвенели стальные нотки раздражения.

– Что я должна здесь увидеть, Кеш? – лениво протянула она, ее пальцы с длинным маникюром начали неспешно расстегивать пуговицы на шелковой блузке.

– Как что, Мариш? – я уже почти кричал, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – Потенциал! Черт возьми, тут дышит каждый штрих! Это же чистая энергия!

– Боже, Кеш, – закатила она глаза, и шелковая блузка, шелестя, соскользнула с ее плеч, обнажив идеальную кожу. – Я даже знаю, как ты этот «потенциал» планируешь раскрывать! Дай угадаю! Прямо вот на этом скрипучем диване!

– Не начинай, а? – я обиженно отвернулся к мольберту. – Это было всего один раз...

– Четыре, Кеша... Четыре! – она встала, и одним отточенным движением расстегнула юбку-карандаш. Та, шелестя, упала к ее ногам, оставив Марину в одном нижнем белье. Черном, из тончайшего кружева, подчеркивающим каждую линию ее безупречного тела. – А потом кому придется утешать тебя, когда ты будешь биться в истерике от очередного разочарования?

– Тебе, – выдохнул я, почувствовав, как ее горячее, влажное дыхание опаливает кожу на моей шее. Запах ее дорогих духов смешался с едким запахом скипидара.

– Может, тогда и не стоит начинать? – прошептала она,

возясь с ремнем на моих брюках. – Уверена, ни тебе, ни мне это не нужно... Мне уж точно!

Она нежно, почти по-кошачьи, лизнула мочку моего уха, и по телу пробежала судорога слепого, животного возбуждения. Марина знала все мои кнопки, все слабые места. Спорить с ней было все равно что спорить с собственным отражением.

– У тебя такая работа, – буркнул я, делая последнюю слабую попытку сопротивления, но она развернула меня к себе и накрыла мои губы своими.

Я с трудом справлялся с коварной застежкой на ее бюстгальтере, и когда она наконец поддалась, с облегчением швырнул его в угол комнаты. Мы рухнули на диван, который взвыл под нашим весом. Только положив руки на ее упругие бедра, я вдруг обнаружил, что помимо кружевных трусиков, на ней были тончайшие, почти невидимые колготки телесного цвета. Иррациональная, яростная волна гнева и желания поднялась во мне. Кровь ударила в голову. Я подцепил пальцем капроновую паутину у самого бедра и с силой рванул на себя. Тонкая ткань затрещала, расплзаясь чуть выше колена, обнажая бархатистый, теплый участок кожи.

– Что за варварство? – фыркнула Марина, хотя в ее глазах мелькнула искорка возбуждения от этой грубости. – Они от «La Perla», между прочим...

– Замолчи! – зарычал я, снова накрывая ее рот своим, в поцелуе, который был лишен нежности, но полон знакомой,

разрушительной страсти. – Я тебе новые куплю!

Мои руки неистово рвали несчастные колготки в клочья, и этот акт слепого разрушения принес мне больше удовлетворения, чем сам секс, быстрый, яростный и бездушный. Мы не смотрели друг другу в глаза, каждый был замкнут в своем одиночестве.

Марина ушла, едва все кончилось. Молча, не глядя на меня, подобрала с пола разбросанные вещи, быстро оделась и вышла. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, который прозвучал громче любого хлопка.

А я еще долго сидел на диване со спущенными штанами, чувствуя, как остывает разгоряченная кожа. Взгляд мой упирался в тот самый рисунок – откусанное яблоко, висящее в абсолютной, безжалостной пустоте. В моей голове не было мыслей, лишь густой, убаюкивающий туман, сладкий и ядовитый, как наркоз. Именно из-за этих редких моментов полного отключения и абсолютного забвения, я и любил искусство. Не ту мазию со смыслом, которую называют живописью, а именно искусство, способное на несколько мгновений, словно ластиком, стереть реальность.

Дорогие друзья! Приглашаю вас познакомиться с еще одной историей нашего литмоба 10 причин для развода.

«Развод. Я больше не твоя муза», Катя Тева. 16+

История о попытке вернуть прошлое, пока настоящее рушится. Он перестал быть собой, и причина тому –

внезапный успех, одержимость идеями, которая отодвинула привычную жизнь вместе с общими стремлениями и мечтами на второй план. Правда ли, что семья рушится, когда женщина перестает терпеть?

https://litnet.com/shrt/Fht_

Остальные книги литмоба можно найти здесь:

<https://litnet.com/shrt/2cZf>

ГЛАВА 8. АНАСТАСИЯ

Три недели в студии Лисовца сжали время в пружину. Каждый день был похож на спарринг – ты выходил на ринг с чистыми листами и красками, а уходил измотанный, с окровавленными нервами и ошметками самооценки. Но где-то в глубине, под слоями усталости, зрело странное, пьянящее чувство – я становлюсь сильнее.

Иннокентий Львович был нашим божеством и палачом в одном лице. Он входил в мастерскую, и воздух застывал. Его критика была точечной и безжалостной.

– Вы все рисуете предметы, а не свет, – говорил он, обходя наши мольберты с натюрмортом из гипсовой вазы и драпировки. – Вы видите вазу и тень от нее. А я вижу, как свет огибает форму, как он дробится на гранях, как теплеет в одних местах и леденеет в других. Вы рисуете контур. Рисуйте световую массу!

Наша группа из двенадцати человек постепенно перезнакомилась, образовав невидимые коалиции. В центре внимания, как и в первый день, была блондинка Лика. Она была из тех, кто рожден не столько рисовать, сколько блистать. Ее работы были техничными, гладкими и абсолютно безжизненными, как восковые фигуры.

И она отчаянно строила глазки Иннокентию Львови-

чу. Каждое его появление в мастерской встречала томным взглядом, густо покрашенные губы растягивались в сладчайшей улыбке. Она задавала дурацкие вопросы, лишь бы он посмотрел в ее сторону.

Но он ее не замечал. Вернее, замечал, но так, как замечают назойливую муху – с легким раздражением. Однажды, когда Лика, изогнувшись в изящной позе, спросила, не считает ли он, что в ее работе «слишком много ультрамарина», он, не глядя на холст, бросил через плечо:

– Болтовни слишком много. Ультрамарин тут ни при чем. Закрасьте и начните сначала.

Лика побагровела, а у меня внутри что-то екнуло от странного, стыдного удовлетворения.

Он был груб со всеми. Жестоко честен. Его критика резала, как скальпель, оставляя кровоточащие раны. «Безвкусица», «вы хотите меня рассмешить?», «это рисовал человек, который никогда в жизни не видел яблока» – фразы разлетались по мастерской, и кто-то не выдерживал, убегая в гардеробную рыдать. Он не делал скидок ни на пол, ни на возраст.

Он мог подойти к работе Инги, самой старшей из нас, уже состоявшейся художницы, известной в своих кругах своими довольно эксцентричными работами, и, указав на тщательно выписанную тень, бросить:

– Это не тень, это грязь. Тень – это не отсутствие света, это его продолжение. Она имеет цвет, температуру, плотность. У вас же тут просто черная дыра.

Со мной он был так же суров. Однажды я три часа билась над портретом натурщика, пытаюсь поймать жесткий, почти скульптурный свет.

– Анастасия! – его голос прозвучал прямо за моим ухом, заставив вздрогнуть. Он взял у меня из руки угольный карандаш. – Вы лепите форму штриховкой, как в учебнике. Смотрите.

Его пальцы, пахнувшие скипидаром, обхватили мою руку и повели ее по бумаге. Это был не рисунок, это было вторжение. Он не рисовал, он высекал форму мощными, уверенными линиями, показывая, как лобная кость выдвигается вперед, а скула уходит в тень.

– Простите, Иннокентий Львович, – лепетала я сжимаясь в комок.

– Рисуйте от общего к частному, а не наоборот! Сначала большая форма, потом детали. – бросал он, будто невзначай. – У вас голова не обрастает чертами, она изначально цельная, как яйцо!

Он бросил карандаш и отошел, оставив меня с раздрыганным сердцем и листом, на котором его уверенные линии жили рядом с моими робкими. Это было унижительно и потрясающе. В его грубости не было злобы – только яростное желание докричаться, вбить в головы азы ремесла.

Но иногда... иногда его взгляд падал на меня. Не на мою работу, а на меня. Я ловила его украдкой, чувствуя, как по

спине бегут мурашки. Это был не тот отстраненный, оценивающий взгляд, каким он окидывал других. В нем было что-то другое. Любопытство? Недоверие? Я не могла понять. А потом, в один из дней, когда я билась над сложной композицией, он остановился позади меня. Я замерла, чувствуя его дыхание у себя над ухом.

– Штрих смелее, – тихо сказал он. Так тихо, что, казалось, слова предназначались только мне. – Не бойтесь испортить. Бумага – это не святыня. Она терпит все, кроме робости.

Мы все работали на износ. Бились над каждым, казавшимся на первый взгляд простым заданием, пока результат не удовлетворял мастера. Зарина по несколько раз в день приносила в мастерскую новые пачки бумаги и меняла битком забитые скомканными учителем рисунками мусорные корзины. Лисовец требовал от нас совершенства, которое никак нам не давалось. Он обещал боль и страх, и мы хлебали их большой ложкой на каждом занятии. Здесь у меня было только два состояния. Я либо падала от усталости, готовая в отчаянии разрыдаться, либо парила от его редкой похвалы, когда мне наконец удавалось ему угодить.

Я уже не помню точно, в какой именно момент рядом появился Петя. Может, когда протянул бумажный стаканчик с кофе, в попытке утешить. Может, когда осторожно похлопал по плечу, чтобы подбодрить. Может, когда отдал свой карандаш взамен моего источившегося до малюсенького огрызка.

Петя был глотком нормальности в этом сумасшедшем до-

ме. Он не боялся Лисовца, спорил с ним о композиции, а однажды, когда маэстро заявил, что искусство рождается из дисциплины, а не из вдохновения, Петя парировал:

– А разве дисциплина не должна быть вдохновенной?

Иннокентий Львович тогда странно на него посмотрел и, ничего не ответив, развернулся и ушел.

Петя был талантлив по-своему – его работы были полны хаотичной энергии, ярких пятен и смелых линий. И он был ко мне невероятно добр. Подкладывал в мой планшет свежие листы, когда я не успевала сбегать за бумагой, делился бутербродами, потому что знал, что я вечно забываю поесть, и мог часами рассказывать смешные истории из жизни художников, заставляя меня смеяться до слез.

Между нами зарождалась теплая, легкая дружба, в которой я с удивлением начала ловить нотки чего-то большего. Мне нравилось, как он смотрит на меня, нравился его открытый взгляд и то, как он заботился обо мне без лишнего пафоса.

Как-то раз, после особенно изматывающего занятия, мы сидели на подоконнике в холле, пили кофе и смотрели, как за окном темнеет.

– Знаешь, Ана, – сказал Петя, глядя на свое отражение в стекле. – В субботу в Парке Горького открывают зимнюю выставку ледовых скульптур. Говорят, там будут крутые вещи. Не хочешь сходить? Погулять, посмотреть... как коллеги работают. Потом можно кофе выпить, обсудить...

Потом он замялся, стушевался, щеки его вспыхнули румянцев, и он, опустив глаза в пол добавил:

– Если хочешь, конечно...

Это было приглашение. Самое настоящее приглашение на свидание. Сердце у меня екнуло, но не от радости, а от странной паники. Я посмотрела на его открытое, дружелюбное лицо, на его готовые улыбнуться глаза. Это было так просто. Так нормально, так мило и так правильно – пойти погулять с симпатичным, талантливым парнем, который тебя понимает.

– Конечно, хочу, – улыбнулась я ему, и его лицо озарилось такой искренней радостью, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

В этот самый момент дверь в мастерскую распахнулась, и на пороге появился Иннокентий Львович. Его взгляд скользнул по нам, сидящим на подоконнике и беззаботно болтающим ногами, по моей чашке в руках, по улыбке, которая еще не успела сойти с моего лица. Его лицо не выразило ничего, но в воздухе, казалось, что-то шелкнуло.

– Анастасия, – его голос прозвучал холодно и ровно. – У вас есть пять минут? Ваш последний этюд. Мне есть что сказать.

И он развернулся, не дождавшись ответа на свой вопрос, и скрылся обратно в мастерской, оставив приоткрытой дверь специально для меня.

Петя выдохнул.

– Ну, тебя зовут на ковер. Удачи!

Я кивнула, сглотнув внезапно подступивший комок тревоги. Почему его тон показался мне таким... ледяным? Словно я сделала что-то не так. Словно моя улыбка и чашка кофе с одноклассником были проступком.

Я поставила чашку и пошла за ним, чувствуя, как безмятежное счастье от предложения Пети тает, сменяясь привычным, тягучим страхом и жгучим желанием одного – услышать, что же он скажет про мой этюд.

Дорогие друзья! Приглашаю вас познакомиться с еще одной историей нашего литмоба 10 причин для развода.

«Развод. Темное зеркало души», Анна Камнева. 18+

История о том, как любовь превращается в ненависть, когда ты видишь в своем партнере самого себя. Пара, которая вначале восхищалась общими чертами, теперь ненавидит друг друга за зеркальные недостатки.

**

 <https://litnet.com/shrt/MAXu>**

Остальные книги литмоба можно найти здесь:

<https://litnet.com/shrt/eYPZ>

ГЛАВА 9. ИННОКЕНТИЙ

Я подслушивал под дверью. Прекрасно понимал, что это мальчишеский поступок, но ничего не мог с собой поделать. Меня неудержимо влекло к этой девушке, хотя, объективно оценивая ее внешний вид, пришел к выводу, что типаж совершенно не мой. Это было странно. Я не чувствовал к ней сексуального влечения в привычном смысле слова. Обычно меня заводили другие женщины. Зрелые, томные, умные и дорогие. А здесь я не видел ничего из того, что всегда будоражило мой мозг. Молодая, неопытная, пугливая, как олененок-сосунок, и внешне – угловатая, больше похожая на подростка с едва начавшими формироваться выпуклостями. Я даже в самых сокровенных фантазиях не мог позволить себе к ней прикоснуться. Но меня раздирала ревность.

Когда этот заносчивый паренек Петя начал проявлять к ней недвусмысленные знаки внимания, мне захотелось взять его за шкуру и вышвырнуть из своего класса, чтобы оградить ее от этих поползновений. И она, казалось, сама тянулась к нему тоже. Я много раз замечал, как они переглядываются, шушукаются, хихикают... И в эти моменты внутри меня поднималась буря неугасимой ярости, которую я с превеликим удовольствием срывал на обоих, отправляя в мусорное ведро их вполне себе сносные работы.

Только спустя некоторое время я понял природу своих чувств. Я не хотел ее физически, для этого была Марина, которая прекрасно справлялась с удовлетворением моих животных потребностей. Мне нужно было абсолютное обладание ею. Я хотел, чтобы она стала моей безраздельно.

Не телом – умом, вниманием, творческой энергией. Чтобы ее восхищение, ее поиски, ее неуверенность и прорывы принадлежали только мне. Петя был посягательством на эту территорию. И потому он был врагом.

Когда она вошла в мастерскую, где обычно шли занятия, я стоял у ее мольберта и делал вид, что изучаю ее этюд. На самом деле, я слушал ее шаги – легкие, робкие, похожие на крадущиеся. Она остановилась в двух метрах, боясь приблизиться.

– Иннокентий Львович, вы звали?

– Подойдите, – сказал я, не оборачиваясь. – Что вы здесь пытались сделать?

Она подошла, и я почувствовал ее запах – дешевое туалетное мыло, бумага, акварель и что-то неуловимо свежее, вроде мокрого снега. Никакого парфюма или других косметических отдушек. Ее чиста была бедной, почти аскетичной. И это почему-то раздражало и притягивало одновременно.

– Это... я пыталась передать фактуру старой штукатурки, – ее голос дрогнул.

– Вижу. И что вы использовали? – я повернулся к ней. Она

стояла, опустив глаза, руки сжаты в кулаки и вытянуты по швам. Совершенно скованная. Идеально.

– Уголь и сангину... Потом растирала кистью, чтобы сгладить переходы... – при этих словах она густо покраснела.

– Растирали кистью, – повторил я с легкой насмешкой. – Боитесь испачкаться? Это не кухня, Анастасия. Здесь нужно пачкаться. Грязь – это честно. Ваша работа слишком... чистая. Безопасная. Как будто вы боитесь оставить след.

Она подняла на меня глаза. В них вспыхнуло что-то вроде обиды или вызова.

– Я не боюсь грязи! Просто не хотела переборщить.

– Переборщить, – снова усмехнулся я. – Страшное слово для художника. Бойтесь недобора. Бойтесь робости. Грязь можно смыть. А вот упущенную смелость – никогда. Вот смотрите.

Я взял ее этюд, подошел к столу, схватил тюбик черной масляной краски и выдавил прямо на работу толстую, жирную каплю. Она ахнула. Я размазал краску пальцем по штукатурке на ее рисунке, превратив аккуратный кусочек в грязное, фактурное пятно.

– Видите? Теперь здесь есть история. Теперь здесь есть боль. Штукатурка не просто осыпается – она страдает. Она живая. Вот что значит – оставить след.

Я вытер палец о тряпку, наблюдая за ее лицом. Она смотрела на испорченную работу, и я видел, как в ее глазах шла борьба: шок, обида, а потом – понимание. Медленное, глу-

бокое. И в этом понимании было восхищение. Мною. И от этого понимания по телу прошла теплая волна удовольствия, по ощущениям похожего на сексуальное удовлетворение.

– Я... поняла, – тихо сказала она. – Спасибо.

«Спасибо». От этого слова у меня внутри что-то екнуло.

– Не за что, – пробормотал я. – Впрочем, нет. Есть за что. Пойдемте. Я хочу кое-что вам показать.

Я повел ее в свою личную мастерскую. Она шла за мной, как послушная тень. Когда я открыл дверь, она замерла на пороге, пораженная контрастом между блестящей общей студией и этой моей аскетичной кельей.

– Проходите, – я гостеприимно пропустил ее внутрь.

Она вошла, оглядываясь и замерла в нерешительности. Ее взгляд скользнул по дивану, по стопкам бумаги, по стеклянному куполу, и наконец – упал на мольберт. На портрет. На себя. Я стоял позади и, не отрываясь, следил за ней.

Она застыла. Сначала не узнала. А потом поняла. Щеки ее покрылись ярким, болезненным румянцем. Она обернулась ко мне, зрачки – огромные, полные недоумения и смущения.

– Это что... я? – прошептала она, не веря собственным глазам.

– Вы, – подтвердил я. – Разве не похожа?

Я наслаждался ее реакцией. Ее смущением. Ее растерянностью. Она не знала, как себя вести, куда деть глаза, что сказать. Она была полностью в моей власти в этот момент.

– Похожа, – пробубнила она, пряча взгляд в пол. – Но...

Я не понимаю... Зачем? Почему вы... меня?

– Потому что вы мне интересны, – ответил я просто, подходя ближе, почти вплотную, чтобы она могла чувствовать мое дыхание на своей коже.

Она настолько напряглась, что была сплошным комком нервов.

– Ваше лицо. Оно неидеально, – сообщил я будничным тоном. – В нем есть сопротивление. Сопротивление гладкости, правильности, всем этим канонам. Вы – вызов. Мне было интересно поймать этот вызов.

Она снова посмотрела на портрет, потом на меня. В ее взгляде читалась буря: и благодарность, и страх, и непонимание, и какая-то детская радость от того, что она оказалась достойна кисти мастера.

– Я не знаю, что сказать, – призналась она, и это было самой честной фразой, которую я от нее слышал.

– Тогда ничего не говорите, – я улыбнулся впервые за долгое время искренне, без насмешки. – Когда нечего сказать, то гораздо правильнее промолчать, чем сморозить какую-нибудь глупость. Просто смотрите. И запомните: пока вы рисуете штукатурку и драпировки, вы учитесь видеть мир. А когда кто-то рисует вас – вас учат видеть себя. Это важнее любой техники.

Она стояла, глядя на свое изображение, на это искаженное, но удивительно живое отражение, и я знал – в этот момент Петя для нее не существовал. Существовал только я.

И ее собственная неожиданная значимость, в которую я ее облек.

Это было именно то, чего я хотел.

Дорогие друзья! Приглашаю вас познакомиться с еще одной историей нашего литмоба 10 причин для развода.

Мария Мирабелла, «Развод в 40. Я тебе изменила»,16+

История о том, как тишина в браке громче любого скандала. Когда командировки и совещания мужа становятся важнее семейной жизни, женщина остается одна. О том, к чему может привести женское одиночество читайте в откровенном романе Марии Мирабеллы.

 https://litnet.com/shrt/Fk_u

Остальные книги литмоба можно найти здесь:
<https://litnet.com/shrt/rxOH>

ГЛАВА 10. АНАСТАСИЯ

Я неслась домой, преодолевая один лестничный пролет в подъезде за другим, перепрыгивая через две ступеньки. Сердце бешено колотилось от волнения, а в душе бушевали одновременно несколько противоположных эмоций – радость, сомнения, страх, смущение.

– Он меня рисует! – заорала я, вбегая в квартиру и сбрасывая на ходу промокшие ботинки.

– Чего орешь? – подняла на меня глаза Женька, когда я буквально влетела в комнату, едва не сбив подругу с ног.

– Лисовец, – выплонула я, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. – Он у себя в мастерской рисует по памяти мой портрет! Что это может значить?

Женька задумчиво поскребла пятерней затылок, попятилась и опустилась на диван.

– Ты уверена? – спросила она с недоверием в голосе.

– Своими глазами видела! – заверила я подругу.

– А что ты делала у него в мастерской? – Женька с прищуром подозрительно посмотрела на меня.

– Он позвал меня, как раз чтобы показать портрет, – развела я руками. – Что здесь непонятного?

– Понятно, – кивнула Женя, но в ее глазах читалось об-

ратное. – А еще кого-нибудь из вашей группы он нарисовал?

– Не-а, – потрясла я головой. – Только меня.

– Ты спишь с Лисовцом? – подруга резко вскочила с дивана и буквально напрыгнула на меня. – Признавайся!

Ее палец уперся мне в лицо, так что мне пришлось попятиться.

– Сбрендила? – я отвела ее руку от своего носа, потому что уперлась в стену и отходить было дальше некуда. – Не сплю я с ним! Он вообще пугает меня до жути!

– Значит ты ему нравишься! – Женька принялась мерить шагами комнату, теребя пальцами нижнюю губу. – Или он тебя хочет, что более вероятно... Ты замечала с его стороны какие-нибудь знаки?

– Да какие знаки? – удивилась я.

– Как какие? Флирт, взгляды, комплименты?

– Комплименты! – фыркнула я. – Да он в последнее время только орет на меня да придирается. Я из кожи вон лезу, чтобы ему угодить, а ему все то не так, то не эдак. А тут вдруг такое...

– Странно... – задумчиво протянула Женька. – А он тебя при всех позвал в свою мастерскую?

– Нет, конечно! Меня бы разорвали, если б узнали, что я там была, – я аж поморщилась, представив. – У нас в группе есть девица одна, Лика... Она из штанов выпрыгивает, чтобы привлечь внимание Иннокентия Львовича. А он на нее смотрит, как на пустое место.

– То есть, вы с ним остались наедине, и он тебя туда пригласил? – допрашивала меня Женька.

– Мы с Петей пили кофе в холле после занятий, тут вышел он и попросил зайти... – начала рассказывать я.

– С Петей? Что за Петя? – перебила меня Женька.

– Ну Петя! – закатила я глаза. – Я ж тебе про него уже сто раз рассказывала.

– А-а... – хлопнула себя по лбу Женька. – Тот талантливый кудрявый блондинчик, который строит тебе глазки?

– Ничего он строит! – возмутилась я. – Но да, это он. Петя меня, кстати, сегодня позвал сходить с ним на выставку в выходные. Это будет свидание.

Последнюю фразу я сказала, почему-то шепотом.

– Так... – Женька плюхнулась обратно на диван и приняла форму мыслителя. – Получается вы сидели с Петей в холле, пили кофе, мило болтали. Он позвал тебя на свидание, и тут появился Лисовец, потащил тебя в свою личную мастерскую и показал твой портрет, который он сам и нарисовал.

– Я так и сказала, – подтвердила я.

– Он в тебя втрескался, Ана! – выпалила внезапно Женька. – Зуб даю! А придирается, потому что ревнует. Ну-ка вспомни, орать на тебя он начал после того, как ты начались ваши с Петей заигрывания?

– Да какие заигрывания? – возмутилась я, но потом сопоставила даты и пришла к выводу, что подруга права. – Вообще, да... И что же мне с этим делать?

Мои глаза, и без того огромные, округлились и едва не выпали из орбит. На такой поворот событий я совсем не рассчитывала.

– А как он вообще? – спросила Женька. – Как мужчина... Интересный?

– Ну... – я никогда не рассматривала Иннокентия Львовича в таком ключе. – Он определенно обладает ярко-выраженной харизмой.

– И сексуальностью? – уточнила подруга, смутив меня окончательно.

– Наверное! Я не знаю! – я уже пожалела, что затеяла этот разговор.

– Что значит не знаю? – напирала на меня Женька. – Пахнет от него сексом или одним только высоким искусством?

– Отстань! – взвизгнула я и ретировалась на кухню.

Этот разговор смущал меня. В моей голове сразу нарисовалась недавняя картина, когда Иннокентий Львович подошел ко мне почти вплотную, так что я ощутила тепло его дыхания на своем лице. Пахло ли от него сексом? Не помню. Мятными пастилками – да, скипидаром – да, насчет секса – не уверена.

Он был моим преподавателем, моим мастером, моим гуру. Я вообще не хотела представлять его в роли любовника. Это ломало мою картину мира, все мое восприятие его, как личности. Чертова Женька! Как теперь выкинуть все это из головы? И почему он, все-таки, меня нарисовал?

После всех этих мыслей и переживаний я долго не могла заснуть. Все ворочалась, возилась на постели, пытаюсь найти удобное положение, но мне это никак не удавалось. В голове, словно пчелы, роились вопросы, на которые не было ответов. После пары часов мучений сон накрыл меня внезапно и поглотил целиком.

Я оказалась в его мастерской. Не в общей, а в личной. Стекланный купол пропускал лунный свет, заливая все серебристым молоком. Иннокентий Львович стоял перед мольбертом, но на нем уже не было моего портрета – только свежий, девственный холст.

– Подойди, – приказал он, и его голос звучал не так, как днем. Он был низким, бархатным, лишенным привычной металлической нотки. – Я покажу тебе, как надо оставлять след.

Я подошла, как во сне и бывает – нехотя, но не в силах отслушаться. Он взял мою руку. Его пальцы, обычно пахнущие скипидаром, теперь пахли чем-то приторно-сладким – кажется, ванилью, карамелью и молоком. Он обмакнул мой указательный палец в баночку с краской, но не в черную, а в густую, темно-карминовую, цвета запекшейся крови.

– Не кистью, – прошептал он прямо в ухо, отчего по спине побежали мурашки. – Рукой. Собственной кожей. Помнишь?

Он потянул мою руку к холсту. Но затем резко поменял направление и провел окровавленным пальцем по моей ще-

ке. Краска была теплой и липкой. Я вздрогнула.

– Вот так, – сказал он, и его губы коснулись места у виска, где краска смешалась с кожей. – Не бойся испачкаться.

Потом его руки оказались у меня на талии. Он притянул меня к себе. Его взгляд был голодным, изучающим, как в тот день, когда он рассматривал мой рисунок с яблоком. Только теперь объектом изучения была я.

– Ты мой самый сложный этюд, – прошептал он, и его губы нашли мои.

Поцелуй не был нежным. Он был требовательным, властным, почти грубым. В нем не было ничего от того робкого, милого внимания, что излучал Петя. Это было вторжение. Завоевание. И самое ужасное – мое тело откликалось на это вторжение дрожью, не страха, а чего-то темного, запретного и безумно сладкого.

Его руки скользнули под мою футболку, и их прикосновение обожгло кожу. Он касался меня так, словно лепил из глины – уверенно, сильно, оставляя следы, которые нельзя стереть.

– Видишь? – его голос был хриплым у меня в ухе. – Так оставляют след...

Я проснулась с резким вздохом, как будто вынырнула из ледяной воды. Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Тело было влажным от холодного пота, а между ног все пульсировало от постыдного, непрошенного возбуж-

дения.

«Чертова Женька!» – мысленно выругалась я, ворочаясь на мокрой простыне. – «Чертова, чертова, чертова!»

Я закрыла глаза, пытаюсь выбросить из головы образ его рук, его губ, звук его голоса. Но чем сильнее я старалась, тем ярче всплывали детали: запах его кожи, тяжесть его тела, приглушенный свет через купол...

Утром, собираясь на занятия, я чувствовала себя преступницей. Как я теперь посмотрю ему в глаза? Как буду слушать его замечания о свете и форме, зная, что мой же собственный мозг рисует такие картины с его участием?

На занятиях я старалась быть невидимой. Я уткнулась в свой холст с таким усердием, что даже Лика, обычно язвительная, спросила, не заболела ли я. Петя пару раз пытался заговорить, но я отмахивалась, бормоча что-то о сосредоточенности.

А когда в мастерскую вошел он, я почувствовала, как вся кровь отливает от лица, а потом приливает обратно, заливая щеки огнем. Я не поднимала глаз, но кожей спины чувствовала его приближение. Он обошел всех, сделал свои замечания – кому-то резкие, кому-то просто сухие.

Наконец, он остановился у моего мольберта. Я замерла, уставившись в свою палитру, как будто в ней была разгадка всех тайн мироздания.

– Анастасия.

Мое имя в его устах прозвучало как приговор. Одновре-

менно и как ласка, и как проклятье.

– Да? – я пролепетала, все еще не решаясь поднять глаза.

– Вы сегодня какая-то... рассеянная, – сказал он. Его тон был обычным, преподавательским. Никаких намеков на вчерашнее. И уж тем более – на мой кошмарный сон. – Линия дрожит. Вы не выпались?

Только сейчас я рискнула взглянуть на него. Он смотрел на мою работу, а не на меня. Его профиль был резким, сосредоточенным. В нем не было и тени того мужчины из сна. Только строгий мастер.

И от этого стало еще хуже. Потому что я-то помнила. И теперь, глядя на его руки, которые держали его блокнот, я вспоминала, как они ощущались на моей коже. Глядя на его губы, сжатые в тонкую линию, я вспоминала их вкус.

– Да, немного, – прошептала я, чувствуя, как горит все лицо.

Он кивнул, делая пометку в блокноте.

– Соберитесь. Вы не смотрите в себя, словно стараетесь что-то спрятать глубоко внутри. Вас что-то пугает? Очень заметно...

Он ушел к следующему студенту, оставив меня в полном смятении. Его слова ударили прямо в цель, оказались страшно точными. Я действительно очень боялась того, что зарождалось внутри меня.

А через плечо я поймала настороженный взгляд Пети. Он смотрел на меня с беспокойством и немим вопросом. И в тот

момент я поняла, что свидание в субботу – это последнее, о чем я сейчас могу думать. Потому что все мое существо было заполнено другим. Стыдом. Страхом. Влечением. Только не к Пете. А к своему великому и ужасному мастеру.

Дорогие друзья! Приглашаю вас познакомиться с еще одной историей нашего литмоба 10 причин для развода.

«Развод. Последний дубль», Анастасия Гуторова, 16+

Ироничная и грустная история о том, как люди конструируют идеальных партнеров и разрушают реальных. Она променяла тихую гавань на всплеск эмоций, перепутала страсть и любовь, а в итоге потеряла того, кто по-настоящему ее любил.

 https://litnet.com/shrt/_1Xu

Остальные книги литмоба можно найти здесь:
<https://litnet.com/shrt/2ZVY>

ГЛАВА 11. ИННОКЕНТИЙ

Я понимал, что, показав Ане портрет, шокировал ее. Так и было задумано, но я не знал, что это произведет подобный эффект. Теперь при виде меня она робела, краснела, смущалась, впадала в ступор. Когда я заговаривал с ней, она что-то бессвязно мямлила мне в ответ, забывая слова и проглатывая буквы. Признаюсь честно, меня это забавляло, поэтому последние пару занятий, я обхаживал ее, как ласковый кот, наслаждаясь реакцией.

Я заметил, что с Петей Анастасия стала холодна. Парень настойчиво пытался добиться у нее информации о причинах ее странного состояния, но она отмахивалась от него, как от назойливой мухи, так и не дав внятного объяснения. Чуть позже я выяснил, что пойти с ним на выставку она отказалась, сославшись на легкое недомогание.

Мой какой-то нездоровый интерес к этой девушке меня всерьез беспокоил. Мне нравились женщины. Я, сколько себя помнил, всегда имел насыщенную сексуальную жизнь. Когда только мой гений восходил на небосклоне большого искусства, я пользовался бешеной популярностью у представительниц слабого пола, а так как питал к ним слабость, то не мог отказать ни одной. Они менялись практически каждую ночь. Я даже не запоминал их имена. Не потому, что не мог,

а попросту не считал нужным утруждать себя этим. Когда утром за ними закрывалась дверь, я понимал, что мы больше никогда не увидимся, и ни разу не пожалел. Естественно, они потом искали встречи со мной. Я получал звонки и смс на свой телефон с десятков неопознанных номеров, но никогда не отвечал. Со временем они понимали, что больше ничего не будет, и переставали меня доставать. Никогда в жизни я не нарисовал ни одну из них.

Я вообще не представлял, что женщина может вызывать во мне какие-либо эмоции, кроме животного желания. Но Ана... Она вызывала во мною бурю самых разных чувств. Иногда я испытывал по отношению к ней жалость, иногда злость, иногда это был искренний интерес. Мне постоянно хотелось так или иначе взаимодействовать с ней, потому что любая ее реакция заряжала меня, словно мощная батарейка. Мне нравилось с ней играть, и останавливаться я не собирался.

Учебный месяц подходил к концу. Мы со студентами прошли большой путь. Я сломал их и на обломках смог построить нечто новое, уже более близкое к искусству. Каждый из них уже не был тем, кем впервые вошел в мастерскую. Они и сами это чувствовали, поэтому прощали мне мои жесткость и грубость, поэтому, затаив дыхание, ловили каждое мое слово. Все они хотели стать мной.

После занятий, когда студенты расходились по домам, я обычно поднимался под купол в свою маленькую келью под

открытым небом. Иногда я рисовал, как одержимый. Иногда на меня нападали апатия и лень, и я просто валялся на диване, пляясь на проплывающие над головой облака. Иногда заходила Марина. Мы занимались сексом, а потом она быстро одевалась и уходила. Я так и не смог разгадать ее феномен в моей жизни. Она была первой и единственной, кто задержался так надолго. То ли потому, что она была для меня удобной – не задавала лишних вопросов, не устраивала истерик и ничего не просила. А может дело было во мне. Возможно, это я в один момент устал кочевать и решил остепениться. Говорят, это первый шаг к старости.

Я лежал на диване и размышлял над сущностью бытия, когда в дверь постучались. Я знал, что это пришла Зарина. Только она, обычно, стучалась. Марина проскальзывала без стука, неслышно, словно тень, а остальным в мою святая святых доступ был запрещен.

Я принял вертикальное положение и позволил помощнице войти.

– Здесь список студентов, готовых пройти в следующий этап, – подала она мне папку с документами. – Семь человек.

Со второго месяца начиналось уже более продвинутое обучение и стоило оно, соответственно. Это была обычная практика. На первый, я называл его ознакомительным, курс приходило обычно много людей. Я брал всех. Но дальше проходили немногие. У кого-то не хватало финансовых воз-

можностей, у кого-то таланта. Этот набор, на удивление, оказался довольно сильным. Я лично отмел двоих. Ингу, потому что как я ни пытался сломать ее закостенелую манеру, так и не смог, и Петю. Просто потому, что он меня раздражал. Видимо, еще трое отказались идти по своим собственным соображениям. Но семь человек – большая группа. Мне больше нравилось, когда оставалось трое или четверо.

Я открыл папку и пробежал глазами имена. Дважды. И когда не обнаружил среди них ее, внутри меня все похолодело.

– Анастасия решила не идти дальше? – с удивлением спросил я, поднимая глаза на Зарину.

– Она сказала, что ей необходимо вернуться к занятиям в училище, – пожала плечами Зарина.

– Глупости! – фыркнул я. – У нашей школы договоренности с учебными заведениями. Ей зачтут академические часы!

– Я оповестила ее об этом, – отчеканила Зарина. – Но думаю, дело в другом...

– В чем же? – мой вопрос прозвучал слишком вызывающе, но помощница и бровью не повела.

– В финансах. Насколько я могу судить, Анастасия обычная студентка и, банально, не располагает средствами, чтобы продолжить учебу в школе. Вы бы хотели, чтобы она осталась, Иннокентий Львович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.